

РУССКИЕ ДОКУМЕНТЫ XVI—XVII вв.
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ОБЫЧНОГО ПРАВА КАБАРДИНЦЕВ

Изучение общественных отношений у народов Советского Союза, не имевших в прошлом письменности, встречает большие трудности. В исторической и этнографической литературе уже обращено внимание на ценность русских архивных материалов

²⁷ В такой же форме и по некоторым статьям с дословным совпадением составлена и следующая жалованная грамота любекским купцам, данная в 1652 г.

²⁸ По данным последующих лет известно, что на основе грамоты 1636 г. стала успешно восстанавливаться и развиваться русская торговля с Любеком, крупнейшим в то время портом Германии на Балтийском море (K. R. Melander. Die Beziehungen. . . SS. 114—122).

для исследования социально-экономического развития этих народов. Для XVI—XVII вв. нужно прежде всего назвать фонды Посольского и Сибирского приказов Русского государства, которые по роду деятельности сосредоточивали в своих архивах сведения о народностях и племенах, уже включенных в состав государства или входивших в сферу его влияния. Архив приказа Казанского дворца погиб, как известно, во время московских пожаров.

В фондах двух названных приказов можно найти материалы и по обычному праву — одному из важнейших источников для изучения общественного строя народностей, не имевших письменности. Русские воеводы, действовавшие среди нерусского населения, сталкивались с местными «обычаями» и должны были в какой-то степени с ними считаться, что и отражалось в их переписке с московскими приказами. Вот почему архивы центральных учреждений XVI—XVII вв. содержат ценные сведения об обычном праве нерусских народностей, сведения более ранние, чем наблюдения путешественников XVIII—XIX вв. и чем те записи адатов на русском языке, которые сохранились от XIX в. Аналогичные материалы можно обнаружить и в архивных фондах некоторых русских местных учреждений XVI—XVII вв. Замечательным и пока уникальным источником является бурятская «правда» XVII в. — найденная С. А. Токаревым в делах Сибирского приказа запись обычного права балаганских бурят, сделанная в 1693 г. в Балаганском остроге со слов бурятских нойонов.¹

К числу народностей, не имевших или почти не имевших в XVI—XVII вв., да и позднее, письменности, надо отнести большинство народов Северного Кавказа, среди них и кабардинцев.² Кабардинские адаты были записаны лишь в первой половине XIX в. в нескольких редакциях, опубликованных тогда же и позднее.³ Записи были сделаны на русском языке русскими чиновниками, первоначально для контроля над деятельностью учрежденного в 1822 г. в Нальчике Кабардинского временного суда, эта чисто практическая цель должна была повлиять на подбор правовых норм, а иногда и на их изложение.⁴ Описание

¹ С. А. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. Исторический архив, т. II, 1939.

² Обращаясь с челобитными в русские учреждения, кабардинские князья и уздени пользовались услугами или русских подьячих, или татарских абызов.

³ И. Радожицкий. Законы и обычаи кабардинцев. Литературная газета, 1846, №№ 1, 2; Ш.-Б. Ногмонов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис, 1861 (имеются и позднейшие издания); Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, вып. 1. Одесса, 1882; М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник, I, М., 1955, стр. 299, 308, 328—329, 340—345; III, М., 1962, стр. 184—186.

⁴ Деятельность Кабардинского временного суда в первой половине XIX в. отражена в сборнике документов «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века» (Собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов.

тех или иных обычаев адыгов можно найти в сочинениях путешественников XVIII—XIX вв., побывавших на Северном Кавказе, в трудах авторов-адыгов Ш.-Б. Ногмова, Султана Хан-Гирея, Султана Адиль-Гирея, в тех записках о «кабардинском народе», которые составлялись в течение XVIII в. для Коллегии иностранных дел.⁵

Настоящая статья имеет целью показать возможность пойти вглубь в изучении кабардинского обычного права, привлекая русские документы второй половины XVI, и главным образом XVII в. Эти материалы значительно пополняют те отрывочные сведения об адыгских обычаях, которые встречаются в трудах иностранных путешественников по Кавказу XVI—XVII вв.

Построенная в 1589 г. в устье реки Терека русская крепость — Терский город — являлась центром сношений центрального правительства и местной администрации с Северным Кавказом и с Закавказьем. Рядом с крепостью возникло несколько слобод с нерусским населением, управление которыми было поручено выехавшим из Кабарды князьям Сунчалеевичам Черкасским. Их общение с терскими воеводами и приказной избой крепости было повседневым. В приказную избу подавались по разным поводам челобитные, воеводы нередко вмешивались в конфликты, возникавшие среди нерусского населения. Архив Терской крепости, ликвидированной в первой четверти XVIII в., почти весь погиб, но в ф. Посольского приказа (в ЦГАДА) сохранилась переписка с терскими воеводами, восходящая к 80-м годам XVI в.; в Москве постоянно появлялись посольства с Северного Кавказа, на каждое из них заводилось особое «дело». Фонд Астраханской приказной палаты (в ЛОИИ) дополняет эти материалы, частью дублируя их сведения. Они наиболее обильны и конкретны по Кабарде. В дальнейшем на нескольких примерах показываются возможные приемы изучения норм обычного права Северного Кавказа, преимущественно кабардинского, по русским документам XVI—XVII вв.

В одних случаях документы содержат прямые ссылки на кабардинское (или шире — на адыгское) обычное право. Указания эти даются в разной форме: при передаче слов кабардинцев как ссылка на «наш обычай», на поступки, совершенные «по своей вере», «по своему закону», или, в отрицательной форме, на то, «чего в Черкасах... не ведетца»; в сообщениях русских людей о кабардинцах упоминаются «их обычай», поступки, совершенные «по черкасски» (черкасами на Руси называли как адыгов вообще, так и кабардинцев). Русская администрация Терской крепости

Нальчик, 1956). В судебном делопроизводстве нередко встречаются ссылки на адаты и выдержки из них.

⁵ Кавказский этнографический сборник, I, стр. 326, 328, 329; II, М., 1958, стр. 207, 209, 210; III, стр. 262, 263; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. II. XVIII век. М., 1957, №№ 119, 221, 256, и др.

присматривалась к обычному праву нерусского населения. В 1589 г. с Терека в Москву был послан стрелецкий сотник Микита Зиновьев; терский воевода сообщал, что Микита жил в Кабарде всю зиму и весну и «обычеи их все ведает».⁶

Сравнение выявленных, благодаря прямым ссылкам, норм обычного права XVI—XVII вв. с позднейшими данными показывает в одних случаях устойчивость обычно-правовых традиций, в других — их медленную трансформацию.

При отсутствии прямых ссылок выявление того или иного «обычая», той или иной правовой нормы идет более сложным путем. В документах отражены факты внутренней жизни кабардинцев, нередко повторяющиеся; сопоставление с более поздними источниками разъясняет некоторые из них как результат обязательного выполнения обычаев, ставших неписанным законом. Понятно, что случаи нарушения той или иной обычно-правовой нормы, если они отражены источниками, заслуживают особого внимания.

Известен широко распространенный на Северном Кавказе и доживший в пережиточной форме до XX в. обычай кровной мести, возникший еще при господстве родового строя. Русские документы XVI—XVII вв. содержат множество известий о кровомщении на Северном Кавказе. В 1648 г., находясь в Посольском приказе в Москве, кабардинский князь Муцал Сунчалеевич разъяснил этот обычай в таких словах: «А по их де свычаю по та места миру не бывает, покаместа кровь за кровь отомстят, и они де им за кровь убойца отдадут» (для кровной мести).⁷ В другом случае находим такое выражение: «Отлить кровь за кровь».⁸ Вот один из ярких примеров кровомщения, переходившего из поколения в поколение. Кабардинский мурза Пышта Тапсаруков в конце XVI или в начале XVII в. был убит родным племянником Хорошаем Шолоховым; «по прошению Пыштовых детей» дальние родственники Пышты Мудар Алкасов и Охлов Айтеков убили Хорошая и его двух братьев «за отомщение крови» Пышты; это в свою очередь вызвало убийство сына Пышты Саурбека «дядькой», т. е. аталыком Хорошая, «за Хорошаеву кровь»; сын Хорошая Енбулат был вынужден жить «в бегах», вне Кабарды, в Кумыкском селении Эндери, очевидно, спасаясь от мщения со стороны родственников Пышты.⁹ Для изучения этой нормы обычного права и ее применения в XVI—XVII вв. необходим подбор подобных случаев, выяснение родственных отношений мстителей и жертв. В приведенном примере существенно

⁶ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I. М., 1889 стр. 121.

⁷ ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Кабардинские дела, 1648 г., № 3, л. 573.

⁸ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. I. М., 1957, стр. 204.

⁹ Там же, стр. 386—387.

отметить участие дальних родственников, а также аталыка — воспитателя, который считался связанным со своим воспитанником как бы родственными узами.

По источникам XIX в. известно, что в это время у адыгов был возможен «выкуп» крови вещами или деньгами, причем плата за кровь была различной, в зависимости от социального положения убитого.¹⁰ В документах XVI—XVII вв. мне не встретилось ни одного указания на «выкуп» крови. Но иногда возможно было «примирение» кровников. Ш.-Б. Ногмов говорит в своем труде об одном из обычаев примирения, несомненно чрезвычайно древнем: виновный мог «прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошадью, оружием и одеждой, доставить его с большой церемонией обратно. В этом случае мальчика называли тлечежипкан, т. е. „за кровь воспитанный“».¹¹ В свете этого рассказа становится понятным известие родословной кабардинских князей, составленной около середины XVII в. и внесенной в русскую родословную книгу: мурза Безрука Янхотов из Большой Кабарды был убит «своими же Алегукины Кабарды» (по родословной Алегуко — троюродный брат Безруко); а у Безруки мурзы Енхотова «один сын маленек, кормят его в Олегукине Кабарде», т. е., очевидно, в семье убийцы.¹² К вопросу о примирении кровников вернемся ниже.

В первой половине XIX в. в своей политике на Северном Кавказе русское правительство столкнулось с одним институтом кабардинского обычного права, который оказался весьма неудобным: кабардинский князь считался неприкосновенным для лиц низших сословий. В 1822 г. в своей прокламации к кабардинцам генерал Ермолов писал: «Уздениям и простому народу повелеваю при всякой встрече с изменниками (князьями, — Е. К.)... действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять на князей, когда они стреляют».¹³ Об этом обычае сообщают и русские источники XVIII в. Так, в 1744 г. в Коллегии иностранных дел отмечалось, что во время междоусобных столкновений кабардинский князь рубил узденей и «подданных» своего врага, которые «на противного им владельца, по древним их обычаям, и рук

¹⁰ Г. Ст[егеман]. Журнал путешествия по земле Донских казаков, к Кавказу и в Астрахань. Северный архив, 1824 г., №№ 21—22, ноябрь; Л. Я. Люлье. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, стр. 41 и сл.; К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказский сборник, т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 120; Материалы по обычному праву кабардинцев, стр. 262, 273, 357, 404; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в. Советская этнография, 1960, № 5, стр. 27.

¹¹ Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. . . , стр. 34.

¹² Кабардино-русские отношения. . . , т. I, стр. 386.

¹³ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, стр. 261.

своих поднять не могут, и только сами от них ретируются и спасают живот свой». ¹⁴ О том же в 1728 г. писал Гербер. ¹⁵

По-кабардински князь именовался «пши», в первоначальном значении — глава рода, старейшина; следовательно, описанный обычай также шел из глубокой старины. Исследуя кабардинское обычное право XVIII—начала XIX в., В. К. Гарданов указывает на то, что многие институты родового строя северокавказских горцев с развитием феодальных отношений полностью трансформировались и были приспособлены к интересам господствующего класса; к числу таких институтов автор относит и обычай неприкосновенности кабардинских князей для лиц, не имевших княжеского звания. ¹⁶ Известия русских источников XVII в. об этой норме обычного права весьма любопытны.

В 20-е годы XVII в. Плишука, уздень мурзы Большой Кабарды Ходожука Казыева, убил, очевидно, по приказанию своего сеньора, мурзу Чеужей Янсохова, двоюродного дядю Ходожука, на которого племянник ранее неудачно покушался. Плишука бежал из Кабарды в Терский город, где нашел приют у князей Сунчалеевичей Черкасских. В 1634 г. князь Келмамет Куденкович Черкасский, на дочери которого был женат брат убитого, подал в Москве челобитную о выдаче ему Плишуки. Посольский приказ предписал терскому воеводе отыскать Плишуку и отдать его Келмамету и брату Чеужей (конечно, для кровной мести), «чтоб вперед неповадно было иным узденям мурз побивать; а у них тово в обычаех не ведетца, чтоб узденям мурз побивать». Келмамет ссылался на то, что Чеужий был убит за сношения с русским Терским городом. ¹⁷ Предание о смерти старика Чеужия (Шужия), записанное Ногмовым, называет иную причину его смерти: племянники Шужия были погублены по приказанию Ходожука; Шужий из мести заколол любимого борца Ходожука Созирахо, за что и был убит Ходожукой и «его слугою». ¹⁸

В том же году мурза Келмамет подал в Посольский приказ жалобу на узденя князя Шолоха Сунчалеевича Бикшу, который, поссорясь с Келмаметом, пригрозил ему в присутствии свидетелей: «Будет де ты меня ударишь, и я де тебе и самому голову отрублю». Келмамет сослался на кабардинский обычай: «А в нашем обычае такова слова никак узденю мурзе не можно молыть» и пояснил, что он не убил Бикшу на месте только потому, что ссора произошла в «государеве городе». Посольский приказ рас-

¹⁴ АВПР, ф. Коллегии иностранных дел, Кабардинские дела, 1744 г., № 4.

¹⁵ Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Куром народах и землях и об их состоянии в 1728 г. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1760, июль, стр. 21—31.

¹⁶ В. К. Гарданов. Обычное право..., стр. 27.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 125, 330; Кабардино-русские отношения..., т. I, стр. 110, 155, 386, 411.

¹⁸ Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа..., стр. 124—125.

порядился сыскать о поступке Бикши и, если жалоба подтвердится, бить его кнутом и сослать в Сибирь. Сунчалеевичам, занимавшим в Терском городе видное положение, удалось защитить Бикшу, являвшегося их аталыком, он продолжал служить Сунчалеевичам и в последующие годы.¹⁹

Приведенные известия убеждают в том, что в XVII в. патриархальный обычай особого уважения к пши уже использовался верхушкой феодального класса Кабарды для укрепления своей власти; в это время русское правительство, в случаях нарушения обычной, энергично его поддерживало, между тем как в первой половине XIX в., при изменившихся обстоятельствах, пыталось с ним бороться.

Если князья и мурзы были неприкосновенны для лиц низшего социального положения, следовательно, в случаях убийства ими узденя (т. е. дворянина), крестьянина, а тем более раба, кровная месть со стороны родственников убитого была исключена. Записанные в первой половине XIX в. адаты содержат указания на примененные в таких случаях нормы обычного права.

Убийство князем в ссоре своего узденя вело к обычаю примирения, сходному с описанным выше: князь был обязан взять к себе малолетнего сына или брата убитого, воспитать его до совершеннолетия, а затем отпустить домой, одарив лошадью с конским прибором, шашкой и ружьем.

В случае убийства узденем в ссоре своего чагара (крепостного крестьянина) убийца был обязан или освободить на волю брата убитого, или дать его семейству человека (очевидно, раба). Повидимому, та же норма применялась в случае убийства чагара князем.

Если крестьянин был убит посторонними, за убитого полагалось платить двух человек, из которых один давался семье убитого, а другой — его господину.²⁰

Сообщений о подобных случаях в источниках XVI—XVII вв. мною не встречено. Предполагаю, что первая из трех приведенных норм в это время действовала.

Материалы Посольского приказа и Астраханской приказной палаты позволяют изучать такие обычаи народов Северного Кавказа, как примирение при обидах, барантование, аталычество, гостеприимство, куначество, побратимство, следы матриархата, предписание равных браков, калым, левират, порядок службы узденей-дворян, их права. Записи адатов XIX в. содержат очень подробные сведения о крестьянских повинностях. К сожалению, русские документы XVI—XVII вв. дают мало сведений о положении феодальнозависимых слоев населения. Это объясняется

¹⁹ Кабардино-русские отношения. . . , т. I, стр. 154, 409, и др.

²⁰ Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. . . , стр. 159, 165; И. Радожицкий. Законы и обычаи кабардинцев. Литературная газета, 1846, № 1, стр. 5, 6.

тем, что и центральное правительство, и местная администрация вели сношения преимущественно с феодалами различных северокавказских народностей, но не с трудовым их населением. Однако отдельные указания на обычаи, которые определяли зависимое положение крестьянства, в документах встречаются и заслуживают внимания.

Так, в 1616 г. в Посольский приказ была прислана из Терского города челобитная так называемых служилых окончан, жителей Окоцкой слободы, населенной чечено-ингушами. Они жаловались на притеснения со стороны управлявшего ими кабардинского князя Сунчалей Черкасского. Одна из жалоб заключалась в следующем: «Да у нас же, государь, у 8 человек, у Уракчя с товарищи, тот Сунчалей князь, выбрав у нас насильством ис табуна 8 конев добрых, и послал в Кабарду в кабаки свои с человеком своим з Блишукою».²¹ Несомненно, здесь отражена та обычно-правовая норма, по которой крестьяне обязаны были давать господину для поездок лошадей; адаты XIX в. оговаривали, что господа могут брать лошадей, когда они не надобны самим хозяевам, без насилия, и что если лошадь будет украдена или падет, крестьянину нужно оплатить потерю.

В описанном случае или со стороны Сунчалей имело место прямое насилие, или окончане не были знакомы с кабардинским обычаем и не желали ему подчиниться.

В. К. Гарданов напомнил записанное Ногмовым предание, по которому князь Берслан Кайтукович Джанкутов «ввел между кабардинцами разные обряды», «разделил народ на пять классов», учредил суды и «установил разные штрафы за неисполнение данных им указаний и обрядов».²²

Сведения родословных о князе Берслане Кайтуковиче сбивчивы; по одной из них, составленной в первой половине XVIII в., он был на одно поколение старше Идара, отца Темрюка Идаровича, современника Ивана Грозного.²³ В документах при ссылках на кабардинские обычаи имя Берслана не упоминается; предание, записанное Ногмовым в первой половине XIX в. и говорившее о старине едва ли не XV в., не вызывает доверия. Нет сомнений в том, что у кабардинцев писаного свода законов не было, что их обычное право было записано лишь в XIX в. Отсюда большая ценность русских документов XVI—XVII вв., которые позволяют восстановить ряд действовавших тогда обычно-правовых норм.

²¹ С. А. Белокурова. Сношения России с Кавказом, стр. 560.

²² В. К. Гарданов. Обычное право..., стр. 17; Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа..., стр. 111—114.

²³ Г. А. Кокиев. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока, II, 1930, стр. 88—89.